

Текст · 1 апреля 2025, 10:35

Алла Константинова, Елена Дымова, Сергей Голубев,

«Мы сгибаемся и около часа поем гимн России». Как обращаются с украинцами в ростовском СИЗО-1

За последние три года немало украинцев оказались в российских изоляторах и колониях. Таганрогский СИЗО-2 слыл среди них страшным местом: побывавшие там люди рассказывали о систематических пытках и издевательствах. Арестантов пугали этапом в Таганрог, а СИЗО соседнего Ростова-на-Дону на таком фоне казались чуть ли не образцовыми. В середине января все изменилось, выяснила «Медиазона»: в ростовском СИЗО-1 украинцев избивают при проверках, заставляют петь гимн России и «Катюшу», за жалобы адвокатов отыгрываются на подзащитных, а когда арестантов посетил представитель омбудсмена, спецназ поставил их лицом к стене.

Случай в военном суде

30 января в Южном окружном военном суде проходило очередное заседание по делу «херсонской девятки». В самом начале председательствующий огласил два заявления, датированные 20 и 21 января и поступившие в суд «посредством почтовой связи» из СИЗО-1 Ростова-на-Дону.

Двое обвиняемых, А. и Б., отказывались от своих адвокатов, используя дословно одну и ту же формулировку: «По причине моего недоверия к данному адвокату, которого я лично не знаю,

соответственно, сомневаюсь в ней. Доверенность на представление своих интересов в судебных инстанциях никому никогда не давал».

Однако и А., и Б. не поддержали эти заявления и попросили суд их не рассматривать.

Они рассказали, что с середины января^[1] 2025 года граждане Украины в СИЗО-1 Ростова-на-Дону ежедневно подвергаются насилию.

— Нас начали избивать, нас избивают каждую проверку. Две недели нас запугивает спецназ, — говорил в суде А.

О происходящем стало известно адвокатам, и 20 января к А. в СИЗО приехала его защитница.

— Меня привели спецы, посадили в клетку, — вспоминал украинец на заседании. — Она пришла, говорит: «Что случилось?». Я поднял кофту, у меня был синяк на всю грудь. Она выскочила, подняла скандал с оперативником, который присутствовал в этом моменте в коридоре. С оперативником и, по-моему, начальником оперслужбы или режима, я уж не знаю. Начался скандал: «Что вы делаете? Что вы творите?». По итогу они ее выгнали из СИЗО.

Самого А., по его словам, тюремщики отвели в камеру не сразу.

— Меня спустили вниз и под угрозой жизни сказали: «Если ты будешь много разговаривать и жаловаться, ты уедешь туда, откуда тебя не заберут, и никогда не поменяют, и будут трахать ПР^[2] сзади». Вот это

было дословно сказано, — продолжал подсудимый.
— Я написал отказ от адвоката. На следующий день меня опять побили на проверке. И каждый день у нас начинается проверка — бьют по затылку, мы сгибаемся и около часа поем гимн Российской Федерации.

— Понятно, — сухо отозвался судья.

— Нас бьют палками по спине. Ну, в общем, все как положено, — продолжал А. Он добавил, что не успел подготовиться к заседанию: — У нас никто не может подготовиться. Вообще у нас люди хватаются за сердце, потому что этот прессинг. Нас 70 человек в СИЗО на этом этаже, и эти репрессии продолжаются две недели.

Украинец добавил, что силовики вынудили его донести на свою защитницу:

— Меня заставили еще оклеветать моего адвоката, подать лживые показания о том, что она якобы хотела сорвать погон у оперативника.

Слова А. подтвердили другие подсудимые — Б. и В.

— Все уголовное дело началось с пыток, и вы сами видите, из чего оно еще состоит. И эти пытки до сих пор продолжаются, — рассуждал В. — И мы, как бы, находимся вроде в цивилизованной стране, но национальный признак здесь... Я не знаю, почему к нам так относятся. Нас постоянно избивают. Особенно последние две недели. И это очень тяжело сказывается на нашем не то что физическом, уже моральном состоянии.

После этого выяснилось, что о насилии в СИЗО-1 украинские заключенные сообщали и раньше. Одна из адвокатов рассказала: недавно она участвовала в другом процессе, где ее подзащитные-украинцы утверждали, что стали очевидцами «того, как делалось это заявление^[3], в частности А.».

— И это зафиксировано в протоколе, что под угрозой изнасилования ПР он делал это заявление, — обратила внимание суда защитница. — Мы слышим такие заявления и рассказы от своих подзащитных на протяжении последних десяти дней каждый день. И понимаем, что эти отказы^[4] вынуждены и, может быть, последуют еще какие-то отказы. Это нарушает право на защиту подсудимых.

Адвокат заметила, что заявлению А. присвоен номер 21, а заявлению Б. — 28.

— Видимо, между ними еще есть семь с абсолютно одинаковым текстом, — предположила она.

Поддержав ее, другой адвокат рассказала, что сотрудники ростовского СИЗО-1 начали вмешиваться в работу защитников.

— В этом следственном изоляторе препятствуют осуществлению наших законом установленных обязательств к исполнению соглашений наших. Наши документы не просто осматриваются на предмет наличия каких-то запрещенных предметов или веществ. Вникают в записи, начинают говорить: «А зачем это, а что это?». Это совершенно ничем не протоколируется. Нас не имеют права таким образом досматривать. Я вам больше скажу, мне запретили туда заходить с материалами дела. Вот тот протокол, который исследован был ранее — я не имею права туда с ним зайти. «Для чего? А зачем он ему нужен? А зачем ему нужны материалы дела?» — цитировала адвокат сотрудников СИЗО.

По ее словам, при последнем посещении своего подзащитного «то состояние, в котором он был, свидетельствовало как минимум об ушибе ребер. Но, скорее всего, это, возможно, даже перелом».

Защитники попросили суд вынести в отношении начальника СИЗО-1 частное определение. Кроме того, подсудимые и адвокаты ходатайствовали об отложении процесса.

— Когда люди не готовы к судебным заседаниям, когда их утром, днем и вечером избивают, мы не можем рассчитывать на справедливый судебный процесс, — объяснила одна из адвокатов. — О чем они сейчас думают, если у них болят ребра? Вы посмотрите,

ваша честь, вы Б. видите уже на протяжении года. Посмотрите, как он выглядит сегодня.

Подсудимый А. также настаивал, что не готов участвовать в процессе.

— Мы не можем готовиться. У меня забрали все материалы, все вещи, все мои документы, которые по суду, — эмоционально говорил он. — Мы не высыпаемся, постоянно на каком-то стрессе, у нас люди уже там за сердце хватаются, доктора к нам не подпускают. Ну это как вообще? Это, блин, какое-то Средневековье. Денацификация у вас происходит не в том направлении...

Прокурор Сергей Айдинов попросил суд отклонить эти ходатайства: по его мнению, все они носили «исключительно голословный характер, поскольку никаких подтверждений словам подсудимых ни защитниками, ни подсудимыми представлено не было».

Председательствующий судья реагировал на рассказы обвиняемых и адвокатов односложными репликами: «Понятно», «Ваша позиция ясна» — и прерывал затянувшиеся, по его мнению, выступления. В итоге суд отказался выносить частное определение в адрес руководства СИЗО и объявлять перерыв в процессе. Не позволил судья и вызвать скорую помощь, чтобы зафиксировать у подсудимых побои, так как «не устанавливает объективных оснований».

После этого одна из адвокатов попросила внести в протокол возражения на действия председательствующего.

— Считаю это вопиющим неуважением к правам и свободам лиц, которые находятся в зале судебного заседания, прежде всего наших подзащитных, — сказала она. — Когда мы говорим о том, что мы не можем доказать, потому что синяки, и вы отказываете в вызове медицинской помощи... То есть нам сейчас предложить раздеться, чтобы вы это увидели?

— Так, мы можем продолжить? — только и сказал в ответ судья.

— Нет! — возразил кто-то из защитников.

И процесс продолжился.

«Таганрог приехал в Ростов»

Массово рассматривать дела против украинцев в Южном окружном военном суде и других судах Ростова-на-Дону начали в 2023 году.

Для участия в этих процессах военнопленных и гражданских украинцев этапировали в СИЗО Ростова из Таганрога, Донецка, Луганска и других городов. Многие из них потом рассказывали, что в Ростове впервые за все время плена не испытывали голода и не подвергались ежедневным унижениям и побоям. Здесь украинцы получали письма, посылки и передачи.

Даже после захвата заложников в ростовском СИЗО-1 в июне 2024 года для украинцев по существу ничего не изменилось. Дело ограничилось проверками и изъятием личных вещей: как это часто бывает, на всякий случай отнимали и очевидно разрешенные предметы, например одежду. Но эти потери удавалось быстро восполнить за счет передач от близких.

По сравнению с Таганрогом с его систематическими пытками и концлагерным режимом СИЗО-1 считалось чуть ли не образцовым учреждением.

В январе 2025 года все изменилось.

— Мы даже говорили родственникам: «Не переживайте, теперь будет все нормально, здесь к ним относятся корректно», — вспоминает адвокат, поговоривший с «Медиазоной» на условиях анонимности. — А теперь Таганрог приехал в Ростов.

Как вспоминал один из украинцев, содержащихся в СИЗО-1, 14 января из их камеры после проверки изъяли неожиданно много личных вещей, хотя ничего запрещенного не нашли. 15 января у арестантов отобрали материалы дел и письма, прошедшие цензуру, 16 января — продукты и книги, а самого украинца и его сокамерников внезапно начали избивать.

События этих дней хорошо запомнила и одна из адвокатов, которая в этот день посещала своего подзащитного в СИЗО-1:

— Его ко мне вывели вывели двое сотрудников, не местных, новенькие какие-то были. Вывели так, как

водят пожизненников: голова вниз, руки наверх и тому подобное. Завели в клетку.

Голова у украинца была обрита, он держался за бок, тяжело дышал, постоянно оглядывался. Рассказывать, что с ним произошло, и писать заявление арестант не хотел — боялся, что его увезут в Таганрог. Через несколько дней к адвокату его вывели уже шесть спецназовцев.

— В полной экипировке, в масках, касках, с дубинками, высоченные — под два метра ростом, такие лбы мощные, — вспоминает защитница.

Как рассказывают сами украинцы, с середины января каждое их утро в СИЗО-1 начинается с проверки, которая сопровождается побоями. По команде заключенные должны согнуться и быстро выйти из камеры с закрытыми глазами, встать лицом к стене, опустить голову вниз, широко расставить ноги и прижать тыльную сторону ладоней к стене. Смотреть на силовиков запрещается. В это время заключенных бьют либо кулаками и ногами, либо резиновыми палками по всему телу. Заходя в камеру, спецназовцы осыпают всех, кто находится внутри, хаотичными ударами — ногами, руками и электрошокерами.

— То есть ты в принципе не можешь уйти от удара, избежать его практически невозможно, — объясняет один из адвокатов. — Кому-то больше достается, кому-то меньше.

Побои сопровождаются оскорблениями: «фашисты» и «пидоры» — вот обращения, к которым привыкли украинцы в СИЗО-1.

Еще один метод — «живой коридор». Силовики выстраиваются в две шеренги, и заключенные должны пробежать между ними, опустив головы и подняв руки. В это время им наносят удары. Кто-то спотыкается, и тогда лежащему достается больше ударов.

Некоторых арестантов уводят из камер и избивают поодиночке, в основном это военнопленные из «Азова», «Айдара» и батальона «Донбасс».

Кроме того, после проверок украинцев заставляют по несколько часов петь гимн России. Сотрудники СИЗО следят за громкостью и продолжительностью пения: если исполнение им не нравится, сильный удар в дверь камеры дает понять, что петь нужно громче.

— Они [украинцы] идентифицируют одного человека, его зовут Иван, он заступает один раз в четыре дня. Он прямо требует гимн. Ему лет 30, он самый злобный товарищ. Кто он такой, они не могут сказать, — рассказал один из адвокатов.

По словам заключенных, избивает их в основном спецназ, который приезжает в Ростов в командировки из других регионов и работает посменно.

Интенсивность насилия зависит от смены, есть более жесткие команды, есть менее. Конвой укомплектован по тому же принципу: смены из разных регионов.

Руководят избиениями некто Палыч и сотрудник оперчасти СИЗО-1 Михалыч — под такими именами их знают арестанты.

Лечение дубинками

Заявлять о побоях и издевательствах российским властям бессмысленно, говорят защитники и родственники украинцев. Сами арестанты избегают жаловаться, опасаясь еще большего насилия. По той же причине ограничены в своих действиях и адвокаты.

— После почти 80 дней в подвале каждый шорох за дверью камеры — это ожидание того, что ты снова получишь палкой, или электрошокером, или другими предметами по своему телу, и неизвестно, чем это закончится, — говорила одна из адвокатов на заседании 30 января. — Поэтому у нас надежда только в открытом судебном заседании обратиться к суду.

Получается замкнутый круг, согласилась с защитницей ее коллега.

— Обратиться в медсанчасть при ФКУ СИЗО-1 наши подзащитные не могут, потому что после обращения их ждет лечение в камере в виде дубинок и палок. Обратиться в прокуратуру по надзору за учреждениями, в частности за СИЗО-1, защитники тоже не могут: последствия этой жалобы будут вымещены на здоровье наших подзащитных, — объясняла она в суде. — Получается, мой подзащитный похудевший, побитый, зелено-синего цвета, и я не могу никуда обратиться, потому что я напишу — он вечером получит палкой по шее.

Даже если адвокаты вступают в переписку с прокуратурой или ФСИН, в ответ они получают отписки.

— Защитница А. писала заявление о том, чтобы его осмотрели, освидетельствовали, — приводил пример адвокат, представляющий интересы В. — А также она писала заявление, адресованное в прокуратуру Ростовской области, которое было рассмотрено. И ей был дан ответ из Федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть 61», в котором сказано, что она не является лицом, которому они могут сообщить сведения, составляющие медицинскую тайну.

Один из украинцев рассказывает, что на «две-три недели» в феврале издевательства прекратились, но 20-го числа на дежурство в СИЗО-1 заступила новая смена. В этот день, по словам арестанта, «избили весь подвал. Сильно досталось четверем заключенным, была кровь в коридоре». Старшего в этой смене зовут Иван, он работает раз в четыре дня, и каждый раз

избиения повторяются; с другими сменами таких проблем нет, заверяет источник «Медиазоны».

— Нам шьют то заточки, то подкоп, просто придумывают поводы. Мы сидим тише воды, ниже травы, у меня уже флешбэки с Таганрога начинаются, — признается заключенный.

Впрочем, по данным «Медиазоны», одному из украинцев все же провели медосвидетельствование — настолько сильно он был избит. Однако тюремные медики заключили, что травмы арестант получил при падении.

После обращения адвокатов в СИЗО-1 приходили с проверками из аппарата уполномоченного по правам человека в Ростовской области, ОНК и прокуратуры. Заключенные рассказывали о насилии и показывали следы побоев. На момент публикации о какой-либо реакции на их жалобы не известно.

Отдельного рассказа заслуживает визит проверяющего от областного омбудсмена.

Как вспоминали украинцы, при его появлении спецназовцы приказали встать лицом к стене с опущенной головой и поднять руки. Смотреть по сторонам запрещалось, видеть посетителя арестанты не могли. Своему адвокату один из них позже рассказал, что кто-то из начальства в присутствии проверяющего приказал записывать фамилии всех, кто жалуется.

Уполномоченный по правам человека в Ростовской области Анатолий Харьковский в ответе на запрос

«Медиазоны» подтвердил, что 14 марта по его поручению СИЗО-1 и СИЗО-5 посетил сотрудник аппарата Владимир Чеботарев, «которым осмотрены помещения, где содержатся украинские граждане, изучены условия содержания, в том числе с ними проведены беседы».

2
Безопасность обеспечивалась сотрудниками отряда специального назначения, которые, руководствуясь Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, предлагали подозреваемым и обвиняемым стать лицом к стене при входе проверяющих в камеры. Данное обстоятельство не влияло на возможность повернуться лицом к представителю Уполномоченного по правам человека в Ростовской области в ходе беседы и обратиться на личный прием.

С уважением,

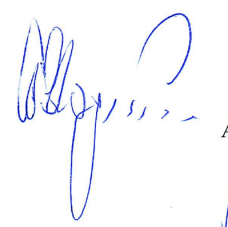
 А.И. Харьковский

Фото: Медиазона

«Отдельные подозреваемые и подсудимые, которые высказывали устные жалобы, были приняты лично. Их фамилии и имена фиксировались для дальнейшей организации работы по устранению возможных нарушений. <ў.ў Присутствие в ходе визита в учреждение представителей ГУФСИН России по Ростовской области и руководства СИЗО-1, СИЗО-5 было обусловлено необходимостью незамедлительного принятия мер в случаях выявления недостатков в работе администраций названных учреждений. Безопасность обеспечивалась сотрудниками отряда специального назначения, которые, руководствуясь Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, *предлагали* подозреваемым и обвиняемым стать лицом к стене при входе проверяющих в камеры. Данное обстоятельство не влияло на возможность повернуться лицом к представителю Уполномоченного по правам человека в Ростовской области в ходе беседы и обратиться на личный прием», — говорится в письме.

Проверка пришла к выводу, что в СИЗО «в целом обеспечивается соблюдение прав обвиняемых и подсудимых».

«В ходе проведенных бесед они пояснили, что обеспечиваются достаточным питанием, есть возможность получать передачи, контактировать с родственниками и адвокатами, имеют возможность отправлять письма родственникам и вести с ними в установленном порядке телефонные переговоры, а также есть возможность читать книги», — заключил омбудсмен.

Источник «Медиазоны» иначе оценивает ситуацию «с письмами, посылками и передачами»:

— Письма не доходят, передачи просто в жутком состоянии доходят, овощи и фрукты в тартар измельчают, колбаса и сыр также. Сигареты не просто пополам разламывают, а в пыль протирают. Из посылок блоками изымают сигареты. Магазин не работает.

Адвокаты говорят, что на момент публикации этого текста арестантов в СИЗО-1 продолжают избивать при проверках, а кроме российского гимна в последнее время заставляют петь еще и «Катюшу». Голоса поющих украинцев доносятся до обычных камер, где содержатся обвиняемые по общеуголовным статьям.

— Украинцам тут сейчас тяжело, — говорил в начале марта заключенный-россиянин одному из адвокатов, с которым пообщалась «Медиазона».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. По словам А., «репрессии насчет нас, украинцев» начались 16 января.
2. Палка резиновая. ПР-73 и ПР-73м — стандартные полицейские дубинки, которые десятилетиями применяют российские силовики.
3. Об отказе от своего адвоката.
4. От адвокатов.